

УДК 621.452.32

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ И СОВЕТСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЛИРИКЕ Б. ПАСТЕРНАКА

© Кузовенкова П.Д.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

e-mail: kuzovenkovapolina@mail.ru

Научный руководитель: Иванова В.Н., канд. филос. наук, старший преподаватель
*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

Ключевые слова: христианство, советская реальность, символ, лирика.

Апофеозом проявления христианства в творчестве Б. Пастернака стал его роман «Доктор Живаго». Но, если рассматривать всю лирику поэта, от его ранних произведений начала XX в. до самых поздних, можно проследить, как тонкая нить христианского мироощущения, проходящая сквозь новое советское мироустройство, со временем превращается в плотные мазки, смешивающиеся с полным разочарованием в коммунистической реальности. Так, целью данной работы является доказательство того, что Пастернак использует религиозные мотивы, облекая их в советскую действительность. Для этого были поставлены такие задачи, как изучение лирики Б. Пастернака в хронологическом порядке, выявление в его текстах развития христианской символики и сопоставление применённых аллюзий на Священное Писание и на коммунистическую реальность [2].

В стихотворении «Кремль в бурю 1918 года» предстаёт явный образ посланника. Он показан «брошенный с пути снегам», «бредущий через силу», грозящийся попасть в руки зла и не способный выполнить свою папскую миссию. Тьма воплощена в образе бурана, которая может принести гибель незащищённому путнику, новой России, ещё не укрепившейся и не вставшей на определённый путь на картах мира и истории.

Стоит выделить образ корабля («Корабль, с гуденьем, прочь к грядам // Срывающийся чудом с якоря»), который в христианском мировоззрении всегда ассоциируется с Ноевым ковчегом и со спасением. Пастернак будто даёт надежду советскому правительству выполнить свою функцию пророка перед рождением чего-то великого, так как конец года предшествует Рождеству, появлению Христа.

Религиозные символы и аллюзии в стихотворении «Кремль в бурю 1918 года» и реалии новой советской действительности совмещаются Пастернаком в одно целое, срастаются в нечто единое в его сознании, но также они вступают и в конфликт, создавая опровержение наличия функций посланника у советского правительства, не способного выполнить возложенную на него Богом роль. Образ папья не противопоставляется вьюге, а совмещается с ним, преобразовываясь тем самым в «лжепапья». Образы христианства и советская реальность взаимоисключают друг друга, переплетаясь и устраняя себя самих в процессе создания фигуры лжепророка [3].

Стихотворение «Страшная сказка» – это аллюзия на убийство четырнадцати тысяч младенцев царём Иродом. Здесь два времени – Великая Отечественная война и предшествие рождения Иисуса – сливаются в единое целое, между ними стираются границы, будто бы поток детской крови размывает её. Само место действие – «столица» – соотносится с Вифлеемом, местом рождения Христа, начальной точкой его жизни.

Лирический герой стихотворения внезаходим, он возносится над временем и пространством, его взгляд устремлён и на Вифлеем, и на Советскую Россию, в которой «не сможет позабыться страх», что становится качеством его божественности. Это образ Иисуса, будущего, наблюдающего за страданиями тех, кто погиб за него.

Важно отметить, что сам образ ребенка в религиозной тематике соотносится с Сыном Божиим, что делает грех («Детей разбуженных испуг») непростительным, но преступление Ирода нанесло вред не Христу, а невинным.

Они стали первыми мучениками, умершими за Христа, за того, кто принесёт в мир свет, но это случится только в будущем. Так и дети, пострадавшие от налётов немецких солдат, подвергаются мучениям за неопределённое светлое будущее.

В отличие от его ранней лирики, где христианство ещё конфликтовало с советской реальностью в его сознании и проходило сквозь него, и было против него, то уже в военное время религиозность начинает проявляться более плотными мазками, соотнося трагичное время пришествия Христа и жестокую реальность 40-х годов. У Пастернака формируется новое понимание библейских сюжетов, новая, собственная трактовка божественного как вненаходимого и вневременного.

Стихотворение «Гамлет», открывающее поэтический цикл «Живаго», отсылает не только к легендарному времени шекспировской пьесы, но и к библейским мотивам и сюжетам. Советская реальность выражается в самой неопределённости времени, в потерянности и разрушенности всех основ, по которым раньше жили люди. *«Я ловлю в далеком отголоске, // Что случится на моем веку»*, – у лирического героя отсутствует ощущение стабильности или чего-то существенного, благодаря чему можно было бы узнать о будущем [1].

Подмостки, на которые восходит герой и Гамлет в трагедии Шекспира, играя пьесу перед королем Клавдием, ассоциируются с возвышенностью, и даже с эшафотом. Он, как Христос, восходящий на Голгофу для своей казни во искупление грехов всего человечества.

Лирический Герой использует обращение «Авва Отче», то есть возносит свою речь к Богу-отцу. Но мы не можем сказать, что он является чистым воплощением Иисуса или Гамлета.

Образ чаши, появляющийся в стихотворении Пастернака (*«Если только можно, Авва Отче, // Чашу эту мимо пронеси»*), относит нас к библейскому сюжету о Гефсиманском молении Христа о чаше, которое является выражением того, что у него было две воли: божественная и человеческая (*«И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты»*. (Ев. от Матф. 26: 39))

В «Гамлете» религиозная символика будто бы поглощает саму советскую реальность. Здесь сливаются три времени, и, как было сказано ранее, появляется триединый герой. Возникает как бы три слоя: нижний – современное Пастернаку послевоенное время, средний – библейский сюжет о молении о чаше, верхний – легендарное датское время, описанное Шекспиром в «Гамлете» и пропущенное через призму театра.

Религиозные символы в лирике Пастернака были его способом понимания реальности и трактовки новой действительности в его сознании. Его лирика во многом проникнута страданием и его принятием, отсутствием страха перед ним.

Библиографический список

1. Флейшман, Л. Борис Пастернак и христианство / Л. Флейшман // От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. – М., 2006.
2. Зайцева, А.Р. Религиозно-эстетический историзм Б. Пастернака / А.Р. Зайцева // Российский гуманитарный журнал. – 2013. – № 5. – С. 495–502.
3. Мальцева, О.А. Проблема духовного пастырства в лирике Б. Пастернака / О.А. Мальцева // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2012. – С. 94–104.